

*Крупко И.В.<sup>1</sup>, Есполова Э.М.<sup>2</sup>*

*<sup>1</sup>PhD-докторант КазНПУ им.Абая,  
г.Алматы, Республика Казахстан*

*<sup>2</sup>СНС Центра сближения культур под эгидой ЮНЕСКО,  
г.Алматы, Республика Казахстан*

## **ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТИ АЛМАТЫ: УРБАНИСТИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ**

### *Аннотация*

В статье предпринята попытка описать и проанализировать диалектику исторической памяти казахстанского общества на примере урбанистического культурного наследия средневековья и XX века. С включением территории Казахстана в юридическое и социокультурное пространство Российской империи начался процесс ревитализации и конструирования историко-культурного наследия, позволивший в советский период продолжить его освоение на качественно ином методологическом уровне, а затем в период после 1991 г. закрепить за ним статус этноисторического богатства, легитимирующего автохтонность, древность и мобилизующий дискурс нациестроительства. Несмотря на то, что наследие городской культуры средневековья было открыто и исследовано сначала учеными Российской империи, а затем и советскими (в т.ч. и главным образом казахстанскими) археологами, в публичном дискурсе, формирующем историческую память казахстанского общества, этот процесс после 1991 года позиционируется как долгожданное освобождение из плена «евроцентристских» представлений о казахах как об извечных кочевниках. Наличие городской культуры представляется в этом мобилизующем дискурсе этничности как конспирологически скрываемый факт, возвращенный казахскому народу только после обретения независимости. В то же время в современном городе Алматы продолжает уходить в неактуальное прошлое урбанистическое наследие советского модернизма: как в архитектуре, так и в других сферах культуры.

**Ключевые слова:** урбанизация, город Алматы, историческая память, археология, культурное наследие.

*Крупко И.В.<sup>1</sup>, Есполова Э.М.<sup>2</sup>*

*<sup>1</sup>Абай атындағы ҚазҰПУ-нің PhD докторанты,  
Қазақстан Республикасы, Алматы қаласы.*

*<sup>2</sup>ЮНЕСКО қамқорлығындағы Мәдениеттерді жақындастыру орталығының АҒҚ,  
Қазақстан Республикасы, Алматы қаласы.*

## **АЛМАТЫ ҚАЛАСЫНЫҢ ТАРИХИ ЖАДЫ: УРБАНИЗАЦИЯ СЕБЕПТЕР**

### *Аңдатпа*

Мақалада Қазақстан қоғамының тарихи зердесінің диалектикасын орта ғасыр мен XX ғасырдың урбанистік мәдени мұрасының мысалында сипаттау және талдау әрекеті жасалды. Қазақстан аумағын Ресей империясының заңды және әлеуметтік-мәдени кеңістігіне енгізгеннен кейін Кеңес кезеңінде оны сапалы өзге әдістемелік деңгейде игеруді жалғастыруға, 1991 жылдан кейінгі кезеңде оған автохтондылықты, автохтон (белгілі бір елдің ең ежелгі тұрғын халықтары) көнелікті заңдастыратын этно-тарихи байлық мәртебесін бекітуге мүмкіндік берген тарихи-мәдени мұраны қайта құрылымдау және құрастыру процесі басталды. Орта ғасырлардағы қалалық мәдениет мұраларын алдымен Ресей империясының ғалымдары, содан кейін Кеңес (соның ішінде, негізінен қазақстандық) археологтар ашқан және зерттеген болса да, Қазақстан қоғамының тарихи естелігін қалыптастыратын көпшілік дискурста бұл процесс 1991 жылдан кейін қазақтар туралы "евроцентристік" түсініктердің тұтқынынан көптен күткен босатылуы ретінде көрінеді. Этникалық ұтқырлық дискурсында қалалық мәдениеттің болуы қазақ халқына тәуелсіздік алғаннан кейін ғана қайтарылған жасырын факт болып табылады. Сол уақытта заманауи Алматы қаласында кеңестік

модернизацияның өзекті емес урбанистік мұрасы: архитектурада да, мәдениеттің басқа да салаларында да кетуді жалғастырды.

**Басты сөздер:** урбандалу, Алматы қаласы, тарихи зерде, археология, мәдени мұра.

*Krupko I.V.<sup>1</sup>, Espolova E.M.<sup>2</sup>*

*<sup>1</sup>PhD doctoral student Abai KazNPU,  
Almaty, Republic of Kazakhstan*

*<sup>2</sup>Senior Researcher Centre for the Rapprochement of Cultures under the auspices of UNESCO,  
Almaty, Republic of Kazakhstan*

## **HISTORICAL MEMORY OF ALMATY: URBANISTIC PLOTS**

### *Abstract*

The article attempts to describe and analyze the dialectic of the historical memory of Kazakhstan society on the example of the urban cultural heritage of the Middle Ages and the XX century. With the inclusion of the territory of Kazakhstan in the legal and sociocultural space of the Russian Empire, the process of revitalization and construction of historical and cultural heritage began, which allowed to continue its development in the Soviet period at a qualitatively different methodological level, and then in the period after 1991 to consolidate its status of ethno-historical wealth, legitimizing autochthonism, antiquity, and the mobilizing discourse of nation-building. Despite the fact that the heritage of urban culture of the Middle Ages was discovered and studied first by scientists of the Russian Empire, and then by Soviet (including Kazakhstan scientists) archaeologists, in the public discourse that forms the historical memory this process after 1991 imagined as the long-awaited release from captivity of the "Eurocentric" ideas about the Kazakhs as eternal nomads. The presence of urban culture is represented in this mobilizing discourse of ethnicity as a conspiracy theories hidden back to the Kazakh people only after independence. At the same time, in the modern city of Almaty, the urbanistic legacy of Soviet modernism continues to go into the irrelevant past: both in architecture and in other spheres of culture.

**Key words:** urbanization, Almaty city, Russian empire, historical memory, archaeology, cultural heritage.

С включением территории Казахской Степи в юридическое, экономическое и социокультурное пространство Российской империи, а затем и СССР здесь начинают возникать города, положение которых было изначально маргинальным. Это естественный эпифеномен колониализма. В связи с этим большой интерес представляют взаимоотношения разных этнокультурных групп, их симбиоз, диалог или отторжение в точках экономического и культурного пересечения. В XX веке Алма-Ата (Алматы с 1993 года) превращается в центр урбанизации советского Казахстана, продолжая сохранять этот статус и в XXI веке, несмотря на перенос столицы в 1997 году, а также вопреки процессам рурализации, происходящим на его территории с конца 1980-х годов. Это создает интересное, мозаичное, процессуальное поле городской жизни, где идентификация осуществляется самыми разными способами: от очагового сосуществования субкультурных микросред до взаимозависимости и сближения культур и идентичностей на самых разных уровнях.

Материалами статьи являются представления современной археологической науки Казахстана о научном наследии Российской империи и Советского Союза, высказываемые в публикациях и популярных интервью. Наследие российских и советских ученых в контексте данной статьи актуализируется современным историографическим дискурсом. Методами настоящего историографического исследования стали: дискурсивный, описательный, хронологический, компаративный и метод аналогии, ретроспективного анализа, а также теория модернизации. Для объяснения эпистемологических явлений в археологической науке используется опыт исследований конструирования национальных мифов, характерных для многих историографий в переходный период активного нациестроительства.

Обобщая многочисленную литературу по нашей тематике, можно выделить несколько исследовательских направлений. В. Шнирельман в своих книгах «Арийский миф в современном мире», «Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье», «Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России.» выстраивает маршрут деструктивных путей социальных и исторических мифологий современности, обозначая логику их генезиса и

распространения. В своей статье «Символическое прошлое. Борьба за предков в Центральной Азии» Шнирельман анализирует конструирование национального нарратива в казахстанской историографии (сначала в советское время, затем – в эпоху независимости), считая главным фактором мифотворчества не вторжение в науку непрофессионалов, а проект нацистроительства, требовавший для новоизобретенных наций легитимирующего их символического наследия и исторической преемственности [1]. Исследователь обращает внимание и на темпоральные характеристики национального нарратива, глорифицирующего древнее и средневековое прошлое и виктимизирующего колониальный опыт: «Такое видение истории с благодарностью обращается к архаической идее циклического времени, позволяющей представлять «тёмные века» временным периодом упадка, за которым непременно должен начаться новый взлёт.» [2].

С несколько иных позиций видят мифологизацию «современности» и ее генеалогию на постсоветском пространстве Е. Добренко и Х. Гюнтер смещающие исследовательский локус с проектов модерна (нацистроительство) на архаические архетипы и соответствующие когнитивные алгоритмы, активированные при встрече с Новым временем, рассматривая всю советскую культуру как мифопоэтическую, несмотря на модернистский пафос созидания «нового человека»: «“реальный социализм в отдельно взятых странах” есть реакция первобытно-общинных, патриархальных и феодальных форм сознания на индивидуализацию и персонализм», а в художественном измерении «мифологизация определяет не только стилистический уровень, но всю макроструктуру соцреалистического текста» [3].

В статье «Процессы архаизации в тоталитарной советской культуре» Д. Сергеев выделяет две волны мифопоэтического творчества масс в тандеме с элитами [4]. И если первая волна хлынула в ноосферу после Октябрьской революции, то вторая – после 1991 года как реакция на множество дестабилизирующих факторов, в т.ч. и на распад СССР.

Историография нашего вопроса может быть дополнена работами: Ж.Б.Абылхожин «Казахстан: рурализация городов и эскалация конфликта между "модернизаторской" и "традиционалистской" идентичностями» [5], В.Шнирельман «Символическое прошлое. Борьба за предков в Центральной Азии», К.Пужоль «Видимая и невидимая реманентная память номадической культуры пространства постсоветских городов» [6]. В этих работах авторы в историко-культурном контексте исследуют процессы урбанизации, конструирование национального нарратива в казахстанской историографии (сначала в советское время, затем – в эпоху независимости), а также вопросы исторической памяти, воплощенной в практиках и идентичностях современного казахстанского города.

### **Эксперимент.**

После 1991 года в Казахстане, как и на всем постсоветском пространстве, обострился вопрос поиска исторической легитимности, преемственности и культурного наследия. Выстраиваемая идентичность, эмоциональная политика памяти, локальные исторические нарративы – все это определяет выбор объектов культурного наследия, составляющего карту сакральной географии и наделяемого соответствующим статусом. Возникает вопрос: а какое наследие – «наше»? Процесс нацистроительства (а шире говоря, любой процесс идентификации как на коллективно-историческом, так и на индивидуальном уровне) проходит по классическому сценарию «зеркального я»: осознание тезы «мы» невозможно без антитезы «они», в противодействии к которым коллектив формирует собственную идентичность. Для большинства культур, прошедших опыт колониальной модернизации, подобным антагонистом стал нарратив бывшего гегемона, а статусом культурного наследия наделяется древнее и средневековое прошлое, являющееся хронотопом «золотого века» [7, с.72]. Именно поэтому урбанистическое наследие советского Казахстана чаще всего не актуализируется в современном историческом дискурсе.

В то же время процесс нацистроительства, утверждения идентичности и обретения исторической субъектности сопровождается идеологической актуализацией археологических исследований. Схожие по своим эпистемологиям идеология нацистроительства, репрезентирующая «нацию» как единое коллективное тело в истории и археологическая наука, рассматривающая определяемые ей археологические культуры как материальные воплощения нации, одновременно являющиеся ее истоками и культурным наследием, возникают в Новое время. В случае Казахстана, на эту ситуацию накладывается дополнительное измерение – колониальная модернизация исторической памяти, начавшаяся с включением территорий Казахской степи в юридическую и социокультурную систему Российской империи и СССР.

Из этого вовсе не следует вывод тотального изобретения традиции. Однако в системе автохтонного знания местного населения археологические памятники не существовали в статусе

таковых, несмотря на то, что составляли «сакральный ландшафт» обитания. В культурах, где доминирующей традицией ретрансляции исторической памяти является устная, хронологический горизонт истории не распространяется дальше нескольких поколений, а историческая память существует во вселенной мифопоэтического мышления. С включением территории казахских жузов в юридическое и социокультурное пространство Российской империи начался процесс ревитализации и конструирования историко-культурного наследия, позволивший в советский период продолжить его освоение на качественно ином методологическом уровне [8], а затем в период после 1991 г. закрепить за ним статус этноисторического богатства, легитимирующего автохтонность, древность и мобилизующий дискурс нациестроительства.

По классификации С.Соколовского, нация конструируется тремя взаимозависимыми дискурсивными полями, возникающими один за другим: научным, правовым и политическим [9]. В случае Казахстана научный дискурс начал формироваться в процессе реализации имперского проекта этнографической классификации, включающей в себя категоризацию населения по религиозным, обрядовым, социальным и другим признакам. Одним из ключевых вопросов стал вопрос генеалогии населения (территориальной легитимности) – его автохтонности или миграционного происхождения.

Альфريد Бустанов в статье «Восточная археология в советском Казахстане» исследует соотношение политической прагматики и гуманитарной эпистемологии в археологических исследованиях на территории Казахстана второй половины XIX – конца XX вв., справедливо отмечая влияние трагических событий насильственной коллективизации 1920-1930-х гг. в ходе которой кочевая культура казахов практически перестала существовать. После социально-экономической седентаризации казахов началась седентаризация прошлого. На основании накопленных знаний об имеющихся преимущественно на юге молодой республики археологических памятниках советские исследователи развивают идею о том, что кочевая культура не может рассматриваться в качестве определяющей характеристики истории Казахстана: «такой уход от старой концепции, согласно которой все высокоразвитые культуры в Средней Азии имеют иранское происхождение, привел к переоценке отношений между тюркским (т.е. узбекским и казахским) и иранским (таджикским) населением на данной территории. Переоценка казахской культуры исходя из представлений о городской и оседлой цивилизации стала особенностью академических работ в Казахстане.» [10, с.43]. Предпочтение, отдававшееся именно городам в конструировании исторической памяти связано с представлениями о государственногенезе, как о процессе, в большей степени характерном для оседло-земледельческой цивилизации и городе, как гетерогенном пространстве: в маргинальных зонах, ставших ареалами развития средневековых городов Юго-Восточного Казахстана встречались разнонаправленные интересы гетерогенных социальных групп, порождая конфликты и необходимость в их разрешении нейтральным арбитром, что, в свою очередь, создавало административные институты, могущие разрешать эти противоречия, впоследствии эволюционирующие в государство.

В современном казахстанском историографическом дискурсе в этом смысле произошла идеологическая инверсия. Несмотря на то, что наследие городской культуры средневековья было открыто и исследовано сначала учеными Российской империи, а затем и советскими археологами, в публичном дискурсе, формирующем историческую память казахстанского общества, этот процесс после 1991 года позиционируется как долгожданное освобождение из плена «евроцентристских» представлений о казахах как об извечных кочевниках. Наличие городской культуры представляется в этом дискурсе как конспирологически скрываемый факт, возвращенный казахскому народу только после обретения независимости. В интервью Мурату Ауэзову, известный казахстанский археолог, первооткрыватель знаменитого «Золотого человека» Бекен Нурмаханбетов обобщил этот тезис (ставший в последние годы его жизни ритуальной частью модели его речевого поведения): «Нас в школе и университете учили так: первобытно-общинный строй. Государственность присуща только оседлой культуре, а мы – чистые кочевники, не знаем оседлости.» [11].

Эту дискурсивную стратегию можно отнести к одному из проявлений виктимизации исторической памяти. Характерным во многих отношениях является выпуск передачи «Бюро расследований» с лозунговым названием «Вперед в прошлое. Древние города Южного Казахстана», размещенный на YouTube канале «Хабар», а также один из комментариев к нему пользователя Шалкара Токбаева: «Бұл орыстар көне қалаларды қиратып тегістетіп тастаған, үстінен қала зоводтар салдырып тастаған. Оңбағандар тарихты ұмыттыру үшін, келер ұрпақ өз тарихін білмесін деген оймен. ҚАЗАҚ деген ұлтты құрту үшін, Аллаһ жазасын берсін.» («Эти

русские разрушили древние города и построили на них фабрики. Чтобы невежественные забыли историю, чтобы следующее поколение не знало своей истории. Пусть Аллах накажет их за уничтожение казахской нации.») [12].

Следующий этап урбанизации на территории Казахстана начался в Новое время, однако сколько-нибудь заметные результаты этого процесса обозначились лишь в советский период. Спор о том, чем был Советский Союз для Казахстана не прекращается и проецируется на архитектуру. Модернизация декларирует изменения человеческих жизней к лучшему, но редко спрашивает их мнения по этому поводу. Один из главных специалистов по истории Центральной Азии в советский период Сергей Абашин формулирует это следующим образом: «Колониальность (в виде тех или иных практик, институтов или событий), безусловно, была в советском, но самое советское далеко не исчерпывается колониальным и не сводится к нему» [13, с.47].

К примеру, процесс урбанизации советского Казахстана, несмотря на свою ограниченность все же шел, диверсифицируя социальные сети городского населения, влияя на информационные коммуникации и трансформируя идентичности главным своим инструментом – гетерогенной социализацией.

Яркой и буквальной иллюстрацией этой особенности большого города является фотография алматинского фотографа Олега Ионова, сделанная в 1990г. на высокогорном катке «Медео»: «..Во время закрытия сезона катаний на Медео многие люди по традиции катались раздетыми по пояс (*хотелось бы узнать – по какой традиции? – авт.*). Когда Олег Александрович общался с ветераном, у него в голове возникла идея этого интересного кадра. Он попросил старика встать рядом с молодой журналисткой газеты “Дружные ребята” Алёной Островской. На взгляд автора, фотография отлично передавала контрасты нашей жизни. В 2015 году Алёна Островская приехала в Алматы после долгих лет американской жизни.. Собралась старая компания, она с улыбкой сказала, что этот снимок напомнил ей бесшабашную алматинскую молодость, и плевать ей на всяких уятменов, которые, кстати, в Америке тоже иногда встречаются..» [14].

В последние десятилетия урбанистическое наследие советского модернизма в городах Казахстана с их уникальной средой растворяется в прошлом, теряя свою актуальность на фоне других акцентов восприятия советского – его негативных сторон («темной стороны модерности»): репрессий, голода и русификации. К примеру, архитектура советского модернизма города Алматы, во многом уникальная не только в СССР, но и в мире, продолжает успешно функционировать в новом социокультурном пространстве (несмотря на уничтожение таких ее памятников как гостиница «Жетысу», автовокзал «Саяхат», гостиница «Медео», ресторан «Самал») или грубую реконструкцию: дом быта «Асем», Дворец спорта, Дом кино, кинотеатр «Арман», ресторан «Алма-Ата»), однако не представляет для населения фактора идентичности, в отличие от средневековой городской культуры, наделенной статусом «нашей истории» (рис.3,4).

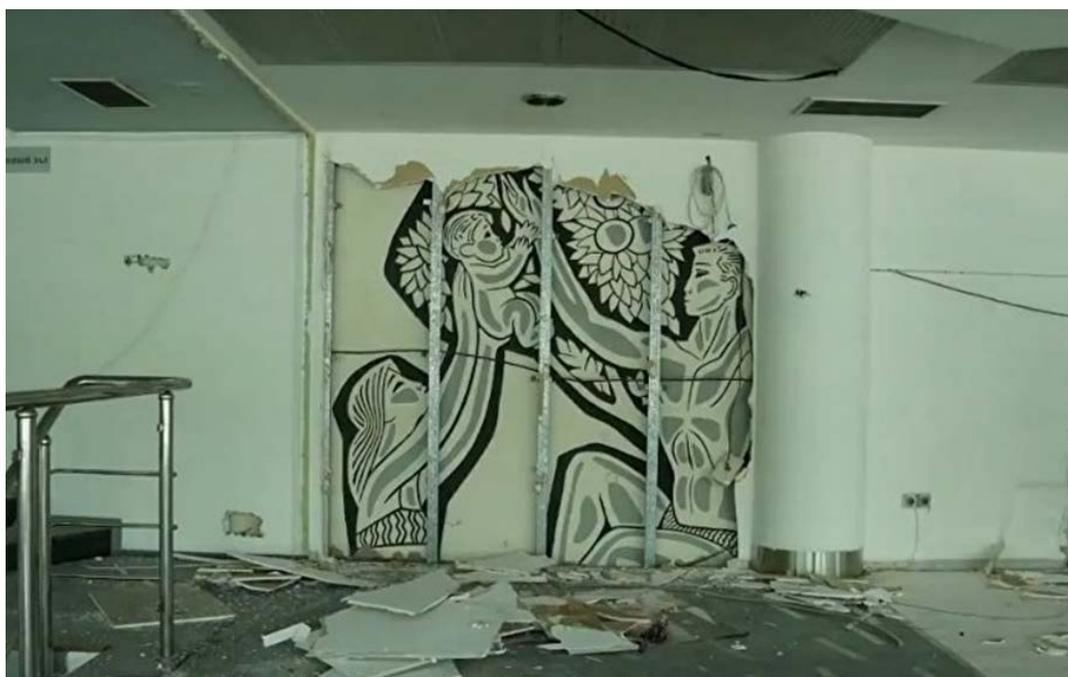


Рис. 3. Фрагменты сграффито Е.Сидоркина в кинотеатре «Целинный», зашитые в гипсокартон во время реконструкции 2000 г. и обнаруженные в 2018 г. при новой реконструкции с целью создания здесь Центра современной культуры.



Рис. 4. Дом быта «Асем» до и после реконструкции (фото взято из сообщества в Facebook «Верный, Алма-Ата, Алматы»).

#### **Результаты и обсуждения.**

Вся эта диалектика исторической памяти, во многом, связана с процессами современной урбанизации и рурализации, периодически проблематизируемыми в научном, медийном и повседневном дискурсах. В казахстанской историографии это проблемное поле (как его экономические, так и социокультурные стороны) подробно исследовано д.и.н., профессором Ж.Б. Абылхожиным. Приведенная ниже обширная цитата из его работы позволит понять генезис некоторых социокультурных реалий, имеющих отношение к нашей теме:

«..Мы уже отмечали, что в Казахстане (как и на всем постсоветском пространстве) "квантовый скачок" урбанизации был непосредственно связан с обвальным кризисом аграрной периферии и массовым стихийным «бегством» в города.. Мы же хотим обратить внимание на процессы, которые стали отчетливо проявляться примерно с конца 1980-х годов. Именно в тот и последующие периоды потоки сельских жителей, устремившиеся в города в поисках лучшей доли, стали столь обширными, что начали «затапливать» их, урбанизация все чаще походила по своим последствиям на процессы рурализации или кантрификации. Уже не столько сельские мигранты в целях адаптации осваивали урбанизированную субкультуру, а города, будучи нерыночными и неспособными растворить всю миграцию, становились объектами интродукции традиционной сельской культуры и, вопреки своей "родовой" функции, начинали жить по правилам, стереотипам и логике аграрной субкультуры, подчиняясь нормам ее социальной регуляции.

Выражением этой тенденции становились и учащавшиеся случаи "обратной" маргинализации городских жителей. В определенных обстоятельствах уже они были вынуждены адаптироваться и осваивать (или, по крайней мере, принимать к сведению) ментальность, характерную для стереотипов аграрного общества. Ведь последние не только не размывались в городе, но, наоборот, имея широкую маргинально-пауперизованную базу, обретали тенденцию к своему расширенному воспроизводству. Например, в последнее время многие «наследственные»

горожане стали вдруг вспоминать свою «жузовую принадлежность» и родовую генеалогию... Но как бы то ни было, этот деформированный процесс не только сдерживает урбанизацию этноса, понимаемую как его модернизированную социокультурную трансформацию, но и тормозит его консолидацию...» [5].

В социологии существует концепт, введенный Э.Дюркгеймом – *аномия*, обозначающий конфликт идентичностей как на микро, так и на макросоциальном уровне. Исследуя вспышки самоубийств во Франции, исследователь выявил их корреляцию с соответствующими экономическими циклами и массовый характер с установлением индустриальных отношений в обществе [15, с.155-156]. Какая здесь связь? Как говорилось выше, традиционное общество (в идеале - кастовое) не предполагает широких возможностей социальной мобильности, равно как и возможности кардинально изменить свою судьбу, которая, чаще всего, предопределена генеалогией. Однако традиционная культура не провоцирует и обманутых ожиданий. Свобода выбора невозможна без ответственности, которую по инерции всегда легче превратить в диффузию ответственности – групповое перераспределение, позволяющее снять напряжение индивидуального выбора или вины за неудачи в социальной реальности. Общество модерна (или индустриальное общество) открыто для того, чтобы каждый «мог стать кем захочет», но зачастую ожидания остаются лишь ожиданиями по самым разным причинам. Модернизация и урбанизация создают маргинальный тип личности, чья гибридность и конфликт идентичностей происходят из ситуации «нахождения одновременно еще не здесь, но уже не там», когда традиционные иерархии и нормативные каноны уже не функциональны, а новые еще не освоены. Это создает невроты модерна и потребность терапевтических ностальгий по утраченной гармонии простой и понятной традиционной культуры (проявления этого можно часто наблюдать в современной казахстанской поп-культуре: например, фильм Р.Сулейменова 2017 г. «Когда ангелы спят»).

Сравнивая наследие средневековой городской культуры и урбанистический период советского модернизма в исторической памяти казахстанского общества, можно прийти к следующему выводу: неоднозначный и болезненный процесс урбанизации, начавшийся в XX-м и продолжающийся в XXI веке, перемещен в хронотоп «Золотого века» исторической памяти – в средневековье. Именно там находится Великий Шелковый путь, развитая городская культура, великие и трагические страницы Отрара, Второй учитель мира – Аль-Фараби, Исламский Ренессанс, «Утраченное просвещение» и многое другое. Там урбанизация перестает быть современной проблемой и превращается в культурное наследие. Таким образом, травма насильственной седентаризации XX века и неопределенность современной урбанизации терапевтически преодолеваются.

Как пронизательно замечает директор Французского Института исследований Центральной Азии Катрин Пужоль: «...если сравнить города Ашхабад и Астану с Ташкентом, мы можем найти следы того, что могли бы назвать «неосвязаемая память кочевой культуры пространства» [6, с.262]. Возможно, дальнейшее развитие постномадной идентичности в новых условиях даст начало новым мобильным городам, оригинальным решениям городского дизайна или наоборот – вытеснит город из своих границ как сдерживающий фактор. Возможны самые разные варианты. Ведь с появлением в жизни интернета процессы урбанизации, дезурбанизации, рурализации и другие факторы формирования идентичности значительно диверсифицировались и перестали быть на сто процентов привязанными к физическому пространству первичной социализации, заметно расширив возможности взаимопроницаемости и диалога некогда разнесенных социокультурных миров.

*Список использованной литературы:*

- 1 Шнирельман В.А. Символическое прошлое. Борьба за предков в Центральной Азии // *Неприкосновенный запас*. – 2009. – № 4(66) / <https://magazines.gorky.media/nz/2009/4/simvolicheskoe-proshloe-borba-za-predkov-v-czentralnoj-azii.html>
- 2 *Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов* (Ответственные редакторы А.Е. Петров, В.А. Шнирельман) / ИАЭ РАН. М.2011;
- 3 Гюнтер Х., Добренко Е. (ред.) *Социалистический канон СПб.: Академический проект*, 2000. – 1040 с.
- 4 Сергеев Д.В. *Процессы архаизации в тоталитарной советской культуре // Гуманитарный вектор*. – 2011. – № 2(26).

5 Абылхожин Ж.Б. *Казахстан: рурализация городов и эскалация конфликта между «модернизаторской» и «традиционалистской» идентичностями* // [https://www.cac-s.org/journal/2003/journal\\_rus/cac-06/22.abiru.shtml](https://www.cac-s.org/journal/2003/journal_rus/cac-06/22.abiru.shtml)

6 Пужоль К. «Видимая и невидимая реманентная память номадной культуры пространства постсоветских городов» // *Мир Большого Алтая*, 2015. – с.260-265

7 S. Jones. “Discourses of Identity in the Interpretation of the Past”, S. Jones, *The Archaeology of Ethnicity: Constructing identities in the Past and Present* (London and New York: Routledge, 1997), p. 72.

8 Байпаков К.М., Таймагамбетов Ж.К. *Археология Казахстана: Учебное пособие для студентов вузов.* – Алматы: Казац университеті, 2006.– 355 с.

9 Постнаука. Соколовский С. *Феномен этничности (Этнограф Сергей Соколовский о теории этноса Гумилева, конструктивистском подходе и выборе идентичности)* (дата обращения – 26.11.2019) / <https://postnauka.ru/video/12898>

10 Бустанов А. «Между нацией и артефактом: восточная археология в советском Казахстане». с.76 // *Мусульмане в новой имперской истории: Сб. статей / отв. ред. и сост. В.О. Бобровников, И. Герасимов, С. Глебов, А. Каплуновский, М. Могильнер, А. Семёнов.* – М.: ООО «Садра», 2017. – 424 с. – [Islamica & Orientalistica]

11 Нурмаханбетов Б. в телевизионной передаче М.Ауэзова «Времен связующая нить» // <https://www.youtube.com/watch?v=MEd9ffXXmFw&t=16s>(дата обращения: 20.06.20)

12 АО «Хабар» «Бюро расследований». *Вперед в прошлое. Древние города Южного Казахстана* // <https://www.youtube.com/watch?v=jFSYLpLcBEI&t=1s> (дата обращения: 20.06.20).

13 Абашин С. *Советское=колониальное? (За и против)* // *Понятия о советской в Центральной Азии. Альманах Штаба № 2.* Бишкек, 2016. 578 с.

14 Антонов С. «История в объективе: три эпохи прошлого Казахстана в фотографиях династии Ионовых» // *Vox Populi* / <https://www.voxpopuli.kz/history/istoriya-v-obektive-tri-epohi-proshlogo-12241.html> (дата обращения: 27.06.20).

15 Ковалёва А. И. *Аномия // Знание. Понимание. Умение.* – 2005. – № 4. – С. 155-156.